

Романы Набокова я, кажется, знаю всю жизнь, — и «Дар», и «Бледный огонь»... Замечательно, что опубликован «Котлован» Платонова, но я читала его тогда, когда он был издан на Западе, — мир все-таки не без добрых людей... Выставка работ Павла Филонова? — Наверняка событие, но я давно была знакома с вдовой Павла Николаевича, в середине шестидесятых годов была в Москве на первой выставке его работ, открытой всего дня три, — потом ее закрыли, запретили. Так что и это потрясение не сегодняшнее и даже не вчерашнее. Вы считаете, что это снобизм? Но чем откровеннее говоришь, тем хуже выглядишь. Меня не оставляет чувство, что довольно многие сегодня чуть-чуть «плюсуют» свои эмоции к тому, что они уже знали, читали, видели раньше, но только раньше это было запрещено, а теперь — можно: радуйтесь, восторгайтесь, восхищайтесь тем, что еще вчера нужно было «со всей ответственностью решительно осудить и заклеймить!». И еще я убеждена, что художественное потрясение не может быть из области информации. Поэтому из всего виденного и слышанного в недавнем запомнилось, пожалуй, только одно — тихий голос Андрея Тарковского, звучащий с магнитофонной ленты в церкви в Лондоне. Тарковский не касался никаких социальных проблем, что сегодня является чуть ли не обязательным для любого художника из любой области искусства, — он говорил об Апокалипсисе. Не знаю, что это было — лекция, проповедь, речь, — это было прежде всего живое человеческое слово, еще более проникновенное от своей негромкой убежденности.

Не поймите неверно, — это не было каким-то еще одним теософским толкованием Откровения Иоанна Богослова или картинками, рисующими ужасы и мучения, ожидающие человечество — их нам и так хватает, — Андрей Тарковский говорил об Апокалипсисе, происходящем в наших душах. Апокалипсис есть нынешнее состояние духа человечества, и вообще всегда все самое важное и значительное происходит внутри нас, а не связано с какими-то внешними обстоятельствами и факторами. «Бог есть дух» — неоднократно повторяется в Писании. Тарковский говорил не о принадлежности или непринадлежности к церкви, — он говорил о том, что на свете нет ничего важнее человеческой души. И эти простые, практически не несущие в себе никакой информации слова звучат во мне до сих пор.

Есть ли в нашем сегодняшнем кинематографе режиссер, равный даже не по степени таланта, а просто по глубине и серьезности Андрею Тарковскому? Я уж не говорю про современный театр...

*исцелен
1989, № 1
Зиб.*

**Анастасия
ВЕРТИНСКАЯ,
актриса**

Воображение не потрясает разоблачительные статьи о злоупотреблениях в родной советской торговле или материалы о похождениях отечественных мафиози. Если же говорить серьезно, то я очень рада, что на свет божий из небытия стали появляться имена Ходасевича и Платонова, Гумилева и Замятина, Мандельштама и Набокова, но для меня все это — откровения во всяком случае не сегодняшнего дня.